

Научная статья

УДК 811.512.141'42

DOI 10.17223/18137083/85/17

**Особенности функционирования кодовых переключений
в башкирской устной речи: частеречный анализ
(на материале текстов восточного диалекта
башкирского языка)**

Лилия Айсовна Бускунбаева

Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра
Российской академии наук
Уфа, Россия

buskl@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3495-3742>

Аннотация

Статья посвящена исследованию кодовых переключений в спонтанной речи башкир. Материалом для анализа послужили диалектные тексты, представленные в Текстологической базе диалектологического подфонда Машинного фонда башкирского языка (mfbl2.ru/mfbl/bashdial). Цель работы – анализ частеречных и прагматических особенностей кодовых переключений в спонтанной речи башкир восточного диалекта. Методом сплошной выборки из Текстологической базы данных были извлечены 2 208 случаев кодовых переключений, на основе которых был произведен подробный частеречный анализ исследуемых единиц. На базе диалектных текстов выявлены основные прагматические функции кодовых переключений.

Ключевые слова

башкирский язык, тюркские языки, билингвизм, кодовые переключения, диалект, часть речи

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-01343, <https://rscf.ru/project/23-28-01343>) «Кодовые переключения в условиях башкирско-русского двуязычия (на материале диалектных дискурсов)»

Для цитирования

Бускунбаева Л. А. Особенности функционирования кодовых переключений в башкирской устной речи: частеречный анализ (на материале текстов восточного диалекта башкирского языка) // Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 229–242. DOI 10.17223/18137083/85/17

© Бускунбаева Л. А., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 229–242
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 4, pp. 229–242

Features of the functioning of code-switching in Bashkir oral speech: partial analysis (a case study of the texts of the Eastern dialect of the Bashkir language)

Liliya A. Buskunbaeva

Institute of History, Language and Literature
of the Ufa Federal Research Centre
of the Russian Academy of Sciences
Ufa, Russian Federation

buskl@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3495-3742>

Abstract

This paper presents the study of the code-switching phenomenon in Bashkir-Russian spontaneous discourse. The analysis covered 323 eastern dialect texts taken from the Textual database of the dialectological sub-fund of the Machine fund of the Bashkir language (<http://mfb12.ru/mfb/bashdial>). This database documents only 2208 uses of code-switches, accounting for only 2.6 % of the total number of word-uses. Detailed consideration is given to the features of foreign-language units' functioning in the spontaneous speech of the Bashkirs. The analysis of the frequency statistics of code-switching by parts of speech allowed the percentage of code-switching by parts of speech to be identified. Given the structure diversity of the languages under study, special attention is paid to the cases of using formative and inflectional markers (matrix language or guest language) in code-switching. Code-switching structures are inclusions (single lexemes of the guest language) and insular switches (several lexical units or phrases of the guest language). The main pragmatic causes of code-switching are indicated. These are reference, subject-thematic, and citation factors. The texts under analysis feature code-switching patterns practically with all parts of speech, except for interjections, imitative, and vocative words. Of interest, the inclusion of code-switches in the morphosyntactic structure of the matrix language is not found to have a significant impact on the sentence word order. While adopting inflectional and formative markers of the matrix language, code-switches are integrated into a sentence without affecting the correct perception of information.

Keywords

Bashkir language, Turkic languages, bilingualism, code-switching, dialect, part of speech

Acknowledgments

The research was supported by the Russian Science Foundation (project No. 23-28-01343, <https://rscf.ru/project/23-28-01343>) "Bashkir-Russian code-switching (based on dialect discourses)"

For citation

Buskunbaeva L. A. Features of the functioning of code-switching in Bashkir oral speech: partial analysis (a case study of the texts of the Eastern dialect of the Bashkir language). *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 4, pp. 229–242. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/85/17

Введение

В разговорной речи функционирует большое количество иноязычного материала, относящегося к неассимилированной лексике. Говорящие в процессе рече-производства могут употреблять не только иноязычные слова, но и морфемы,

словосочетания и целые предложения. Такие языковые единицы изучаются в аспекте билингвизма и переключения языковых кодов.

В рамках данного исследования анализируется одно из малоизученных в условиях билингвизма лингвистических явлений в башкирском языке – переключение языковых кодов в спонтанной речи башкир – представителей восточного диалекта.

На проблему переключения кодов (далее – КП) (англ. Code-switching) лингвисты обратили внимание в 70-е гг. XX в. в связи с возросшим интересом к проблемам языковых контактов. В работах зарубежных ученых У. Вайнрайха [2000], П. Ауэр [Auer, 1998], Ш. Поплак [Poplack, 1981], К. Майерс-Скоттон [Myers-Scotton, 1993] были сформулированы основные положения, направления и структурные типы КП.

В отечественной лингвистике проблема КП поднимается в последние десятилетия регулярно. Значительный вклад внесла монография Г. Н. Чиршевой «Двуязычная коммуникация» [2004], на результаты исследования которой опирается большинство последующих исследователей, изучающих структурные типы КП.

Поскольку билингвизм характерен для всех национальных регионов в России и стране в целом, то наблюдается повышенный научный интерес к данной проблеме. КП рассматривались на материале татарско-русского [Мордвинова, 2016], русско-татарского [Солнышкина, Хайруллина, 2015], бурятско-русского [Папинова, 2017], марийско-русского [Гаврилова, 2013] двуязычия.

В башкирской лингвистике в условиях башкирско-русского двуязычия проблема КП также является остроактуальной.

Республика Башкортостан является полиэтничным регионом, где в качестве языка межнационального общения выступает русский. Материалы Всероссийской переписи населения 2010 г. по Республике Башкортостан показали высокий уровень владения русским языком среди башкирского населения – 96,4 %. В то время как родным языком владеют 67,4 % башкир [Итоги..., 2012, с. 84–86]. Для сравнения, в 2002 г. последний показатель был намного выше – 74,7 %.

В речи башкир, владеющих родным языком, всё чаще можно наблюдать иноязычные слова или выражения, иногда и целые фразы, относящиеся к неассимилированной лексике, несмотря на то, что в языке-реципиенте они имеют эквиваленты исконного происхождения.

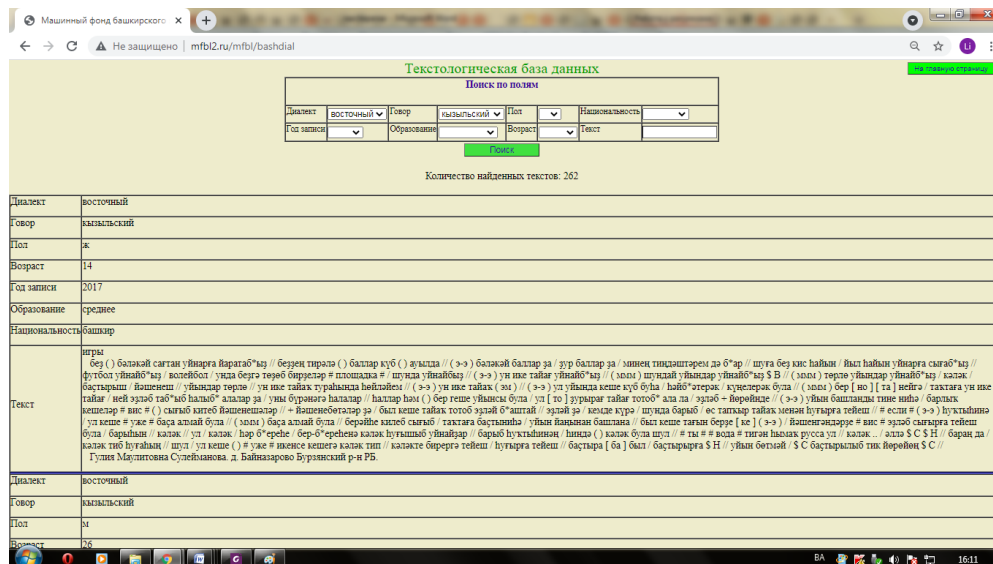
Языковые переключения нуждаются в детальном исследовании, многостороннем анализе и систематизации имеющегося фактического материала. Эти задачи могут быть решены только при наличии представительной базы данных, отражающей всё многообразие исследуемых единиц. Таким источником для анализа КП в башкирском языке послужила Текстологическая база диалектологического подфонда Машинного фонда башкирского языка¹ (см. рисунок), включающая диалектные тексты, собранные сотрудниками отдела прикладной лингвистики и диалектологии Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН во время

---

¹ См.: <http://mfbl2.ru/mfbl/bashdial>

Список используемых в Текстологической базе транскрипционных обозначений: / – знак сегментации синтагмы; // – знак сегментации повествовательного высказывания; !, ? – знак сегментации вопросительных и восклицательных фраз; # – переключение языковых кодов (с башкирского на русский); б* – билабиальный вариант согласного [б]; + – для указания языковых явлений, как элизия и ассимиляция (подробнее об этом см. [Бускунбаева, Сиразидинов, 2020, с. 94]).

экспедиционных выездов в районы Республики Башкортостан (см. более подробно: [Бускунбаева, Сиразитдинов, 2020; Сиразитдинов и др., 2018]).

Интерфейс Текстологической базы данных МФБЯ
Interface of the Text database, Machine fund of the Bashkir language

Для исследования было отобрано 323 текста, относящихся к восточному диалекту башкирского языка, в которых встречаются КП с башкирского на русский язык. Анализируемые тексты содержат 85 473 словоупотреблений, из них 2 208 случаев употребления КП, что составляет 2,6 %. Преобладающая часть исследуемых дискурсов является монологами на заданные темы (см. подробнее: [Бускунбаева, 2019, с. 3]).

В базе данных КП с обеих сторон выделены символом октоторп (#) для их разграничения с исконно башкирскими словами и заимствованиями, которые закрепились в лексической системе башкирского языка.

Результаты исследования

Переключение языкового кода представляет собой употребление в рамках одного коммуникативного акта языковых единиц, относящихся к разным языковым системам. Башкирский и русский языки, являясь контактирующими, относятся к разноструктурным языкам и отличаются друг от друга множеством дифференциальных признаков. Башкирский язык относится к агглютинативному типу языков, в которых формообразующие и словоизменительные аффиксы, характеризующиеся однозначностью, присоединяются к корню (основе) слова последовательно. В русском языке, относящемся к флективным языкам, доминирующим способом словоизменения является употребление флексии, которая может сочетать в себе несколько категориальных значений. В спонтанной речи

информанты часто переходят с башкирского языка на русский и наоборот, сочетая элементы двух разноструктурных языков.

Башкирский язык, являющийся для информантов родным и основным средством коммуникации, выступает матричным языком (МЯ)², в то время как русский, язык межнационального общения, речевые единицы (морфемы, слова, словосочетания, предложения) которого могут присутствовать в речи, гостевым языком (ГЯ). Включение в речь иноязычных слов преимущественно не влияет на морфосинтаксическую структуру высказывания: синтаксические конструкции строятся по моделям МЯ, порядок слов в предложении в большинстве случаев не подвергается изменениям.

Такие иноязычные элементы носителями языка воспринимаются как чужеродные и нарушающие чистоту речи. Употребление большого количества КП делает дискурс стилистически более сниженным. В то же время, нельзя не отметить тот факт, что они выполняют в речи и важные коммуникативно-прагматические функции.

Так, Г. Н. Чиршева, анализируя прагматические функции КП устного и письменного материала, в качестве основных указывает адресатную, цитатную, юмористическую, фатическую, эзотерическую, экономии речевых усилий, эмоциональную, самоидентификации, предметно-тематическую, металингвистическую и воздействующую функции [Чиршева, 2004, с. 37–47].

Ю. В. Балакина и А. В. Соснин отмечают референтную, адресную, экспрессивную, фатическую, металингвистическую, стилистическую функции [Балакина, Соснин, 2015, с. 6].

В анализируемом нами материале реализованы следующие прагматические функции КП:

- референтная (при возникновении затруднений в выборе нужной лексической или структурной единицы на родном языке). Переключение кодов может возникнуть в том случае, когда информант во время речевого производства не может вспомнить нужное слово [Бускунбаева, 2021, с. 177], поэтому для предотвращения возникновения непреднамеренной длительной паузы воспроизводится лексическая единица русского языка: *Баймак районына #направление# алдым / йүнәлтмә инде//* лит. *Баймак районына #направление# алдым / йүнәлтмә инде//* 'Взял направление в Баймакский район/' (ж., 78, высш., кыз.)³; *#иван-чай# башкортса нисек булаләү? боланут//* лит. *#иван-чай# башкортса нисек була әле ул? боланут//* 'иван-чай по-башкирски как будет? иван-чай/' (ж., 70, высш., ай.);

- предметно-тематическая функция. Тема дискурса также оказывает большое влияние на выбор речевых средств. Высока частотность употребления КП в текстах с тематикой «работа, школа», «игры», «огород, сад», в то время как в текстах с тематикой «фольклор», «домашние животные», «свадьба» наблюдается редкое употребление КП;

- цитатная функция. Информанты при передаче чужой речи или использовании афоризмов переходят на русский язык: *укытыусыга рәхмәт инде / шул Идея Мардановнага// #расскажите# / #я# #понимаю# #по башкирски# тинел//* лит. *укытыусыга / Идея Марзановнага рәхмәт инде// һәйләгез / мин башкортса*

² На основе рамочной модели матричного языка, разработанной К. Майерс-Скоттон [Myers-Scotton, 1993].

³ В качестве метаданных в тексте указываются: пол (м. – мужской, ж. – женский), возраст, образование (нач. – начальное, ср. – среднее, высш. – высшее) и говор (айский – ай., кызыльский – кыз., учалинский – уч.) информанта.

аңлайым тине // 'спасибо учительнице / Идее Мардановне// она сказала / расскажите / я понимаю по-башкирски//' (ж., 78, высш., кыз.).

Частеречная принадлежность КП

Как показывает анализ диалектного материала, в спонтанных монологических дискурсах КП практически охватывают все части речи, за исключением междометий, подражательных и звательных слов (см. таблицу)⁴.

Частеречная принадлежность КП
Part-of-speech reference of code-switching

Часть речи	Количество КП	
	ед.	%
Имя существительное	881	40
Союз	403	18,2
Наречие	360	16,3
Имя прилагательное	187	8,5
Модальное слово	114	5,1
Местоимение	99	4,5
Глагол	97	4,4
Частица	53	2,4
Предлог	7	0,3
Имя числительное	7	0,3
Итого	2 208	100

Имена существительные. В башкирской спонтанной речи КП преимущественно представлены именами существительными (881 употр., 40 %). Превалирующее употребление существительных обусловлено прежде всего их синтаксической функцией в предложении, где они могут выступать:

- в функции подлежащего: *беззең #симйа# зур булды//* лит. *беззең гаилә зур булды//* 'наша семья была большая//' (м., 76, среднее, уч.); *#пагуда# ла насар б*улып китә кайы б*ерзә//* лит. *һауа торошо ла насар булып китә кайһы берзә//* 'временами и погода ухудшается//' (ж., 80, нач., кыз.);
- в функции дополнения: *без #симйала# биш бала үстек//* лит. *без гаиләлә биш бала үстек//* 'в нашей семье было пятеро детей//' (ж., 78, высш., кыз.); *был өйзән дә +зуррагитен #пристрой# эштәнек//* лит. *был өйзән дә зурйрак итен төкәтмә эштәнек//* 'сделали пристрой даже больше этого дома//' (ж., 58, высш., кыз.);
- в функции обстоятельства: *элек минең атайым #горотта# эштәгән ийе//* лит. *элек минең атайым калала эшләгәйне//* 'раньше мой отец работал в городе//' (м., 13, ср., уч.); *без уның менән #дескей саттан# алып душлашабыз//* лит. *без уның менән балалар баксаһынан алып душлашабыз//* 'мы с ним дружим с детского сада//' (ж., 12, ср., кыз.);
- в функции приименного определения: *#авраттың# өстөнә күб*ек утыра//* лит. *айыртылган һөттөң өстөнә күбек ултыра//* 'на поверхности обрата обра-

⁴ Распределение кодовых переключений с башкирского языка на русский по частям речи довольно разбросанно. В статье части речи приведены в порядке частоты употребления.

зуюса пена//’ (м., 76, ср., уч.); *диплом алаб*ыҙ #йаныварзың# азағында//* лит. *диплом алабыҙ ғынуарзың азағында//* ‘в конце января получим диплом//’ (ж., 54, выш., кыз.).

Зафиксированные в Текстологической базе КП, представленные именами существительными, можно распределить по следующим основным тематическим группам: **фауна и флора** (*бубыр* ‘бобер’, *шүкә* ‘щука’, *маркуф* ‘морковь’); **блюда, продукты питания** (*пилмин* ‘пельмень’, *вытищка* ‘выпечка’); **игры** (*гәрәткә* ‘городки’, *чирта* ‘черта, классики’); **профессия, сфера деятельности** (*бчелавут* ‘пчеловод’, *тафаравит* ‘товаровед’); **названия организаций, учреждений и отделов** (*адел абразования* ‘отдел образования’, *визывый служба* ‘визовая служба’); **сфера образования, науки и культуры** (*абычий* ‘обычай’, *спитсәлис* ‘специалист’); **предметы бытового назначения** (*стиральный машинка* ‘стиральная машина’, *чимадан* ‘чемодан’); **жилище, дом** (*маласимейка* ‘малосемейка’, *трисинка* ‘трехстенка’) и т. д.

Надо отметить, что в исследуемых диалектных текстах абстрактные существительные, обозначающие состояние, настроение, чувства, эмоции человека, представлены только одним примером: *бәләкәс #абидам# бар//* лит. *бәләкәй үпкәм бар//* ‘есть у меня небольшая обида’ (м., 74, ср., кыз.).

Составные географические названия, названия административно-территориальных единиц, учреждений, организаций, научных, учебных и других заведений и объединений часто заимствуются в спонтанную речь без перевода на башкирский язык: *халыкта #Сынтральный статуправления# тип атала ине//* лит. *халыкта Үзәк статистика идаралыгы тип атала ине//* ‘в народе называли Центральное статуправление//’ (ж., 51, ср., ай.); *#Набережный Челныла# КАМАЗ тигән завутта инженер канструктор булып эштәй//* лит. *Яр Саллыла КАМАЗ тигән заводта инженер-конструктор булып эшләй//* ‘работает инженером-конструктором в Набережных Челнах на заводе КАМАЗ//’ (ж., 49, ср., кыз.). В башкирском литературном языке такие многокомпонентные выражения преимущественно представлены одним из наиболее применяемых способов передачи безэквивалентной лексики – калькированием. Надо признать, в башкирской устной речи преимущественно употребляются именно русские термины.

Союзы. Вторыми по частотности употребления в спонтанной речи башкир восточного диалекта являются союзы, заимствованные из русского языка (403 употр., 18,2 %).

В башкирском языке насчитывается небольшое количество союзов, многие из которых носят «факультативный» характер, наличие или отсутствие которых не влияет «ни на смысловую сторону, ни на структуру предложения» [Грамматика..., 1981, с. 351]. Части сложных предложений, компоненты простого предложения соединяются между собой интонационно или другими средствами выражения синтаксических отношений (например, аффиксы причастия и деепричастия, падежные аффиксы). Низкая частотность употребления союзов в спонтанной речи, возможно, связана с происхождением союзов, которые преимущественно являются заимствованиями из арабского и персидского языков: *аммә* ‘но’, *ләкин* ‘но’, *сөнки* ‘потому что’, *һәм* ‘и’ и т. д. Именно поэтому они характерны для письменного языка, в спонтанной же речи чаще заменяются русскими эквивалентами. На скудность союзов в башкирском языке в свое время указывал и Н. К. Дмитриев [1930, с. 76]. Для сравнения, в Текстологической базе зафиксировано всего 16 употреблений союза *ләкин*, при этом русского эквивалента *но* – 64.

Наречие. Многочисленны и довольно регулярны в употреблении в монологических диалектных текстах наречия русского языка (360 употр., 16,3 %).

Наречия в обоих языках представляют собой неизменяемую самостоятельную часть речи, единственной грамматической категорией которых является степень сравнения [Закирьянов, 2004, с. 80]. Следовательно, поэтому наречия русского языка, несмотря на то что в МЯ имеются эквиваленты, вводятся в спонтанную речь без какой-либо грамматической адаптации: *#уже# балдар + куб*эйепара//* лит. *инде балалар кубэйеп бара* ‘уже и количество детей растёт!’ (ж., 82, ср., уч.); *өй эшләнем / #ицо# #трестинкаһын# һуктым//* лит. *өй һалдым / тагы өс мөйөшлө төкәтмә һуктым//* ‘построил дом / еще и трехстенку пристроил’ (м., 74, ср., кыз.).

А. Р. Мордвинова, анализируя степень влияния русского языка на интернет-контент татар, также отмечает большую «внедряемость» наречий русского языка наряду с именами существительными [Мордвинова, 2016, с. 134]. Возможно, широкое употребление наречий русского языка связано с тем, что «наречие является одной из наименее устойчивых грамматических категорий» [Акберова, 1998, с. 3].

Имена прилагательные. В спонтанной речи функционируют всего 187 имен прилагательных из русского языка, что составляет 8,5 % от общего числа КП. Употребление таких прилагательных в речи имеет ряд особенностей.

Имена прилагательные в русском языке грамматически зависимы от имен существительных и вступают в связь с ними по способу согласования (совпадают в роде, числе и падеже): *интересная книга, осенним днем*.

В башкирском языке, как и во всех тюркских языках, «отсутствует категория грамматического рода, а также какое бы то ни было согласование определения с определяемым» [Резанова, Дыбо, 2019, с. 205]. Имена прилагательные не имеют формальных показателей, т. е. не изменяются по родам, числам и падежам. Прилагательные и существительные, выражая атрибутивные отношения, связаны при помощи именного примыкания: *кызык китап, көзгө көндә*.

Вышеуказанные различия находят отражение и при употреблении имен прилагательных, заимствованных из русского языка в башкирскую спонтанную речь. Имя прилагательное преимущественно употребляется в начальной (нулевой) форме, т. е. в мужском роде, единственном числе, именительном падеже, и связано с существительным по нормам башкирского языка, т. е. по способу примыкания независимо от того, к какому языку относится определяемое существительное – МЯ или ГЯ (182 употр., 98 %): *#дикаративный# һуған сәсергә йаратам//* лит. *декоратив һуған сәсергә яратам//* ‘мне нравится выращивать декоративный лук!’ (ж., 49, ср., кыз.); *миңең каршындагына #двухэтажный# #здание##//* лит. *миңең каршындагына ике катлы бина//* ‘напротив меня находится двухэтажное здание’ (ж., 14, ср., кыз.).

Н. К. Дмитриев, рассматривая заимствованные в спонтанную речь прилагательные, отмечает, что поскольку башкирский язык за редким исключением формально не выражает рода, то «в результате неумения выделить русскую морфему башкирский язык заимствует русские прилагательные в той случайной форме, в какой они стоят» [1930, с. 78]. Однако в анализируемом нами материале выявлено всего 5 случаев употребления прилагательных русского языка с сохранением тех же категорий рода и /или числа существительного, что и в ГЯ. Падежные аффиксы прилагательных при этом не употребляются: *кыргазы ла б*ар / аккош та б*ар// #дикийе# коштарзан шулар инде//* лит. *кыр казы ла бар / аккош та*

бар// *кырагай коштарзан шулар инде*// ‘есть и дикие гуси / есть и лебеди// из диких птиц вот эти!’ (м., 74, ср., кыз.); *бешергәнем таб*ага гына ана шул #дружная# #семейкаларзы#*// лит. *бешергәнем табага гына ана шул биш-уландарзы*// ‘пеку на сковороде дружную семейку!’ (ж., 70, ср., кыз.).

Как показывает анализируемый материал, в спонтанной речи башкир восточного диалекта встречаются окказиональные случаи образования прилагательных, представляющих собой языковой гибрид – имя существительное ГЯ и аффикс МЯ.

Образование прилагательных от имен существительных русского языка происходит путем присоединения к иноязычной основе аффиксов *-лы*, выражающего значение обладания качеством, признаком или свойством, и *-һыз*, который «сводится к обозначению отсутствия свойства или качества, названного основой, реже – неполноты его проявления» [Грамматика..., 1981, с. 173]. В Текстологической базе зафиксировано 5 случаев употребления таких отсубстантивных прилагательных: *урожайһыз* вм. лит. *уңышһыз* ‘неурожайный’, *семйалы* (2) вм. лит. *гаиләле* ‘семейный, имеющий семью’, *квартиралы* (2) вм. лит. *фатирлы* ‘имеющий квартиру’.

В башкирском литературном языке сравнительная степень имен прилагательных образуется путем присоединения аффикса *-рак / -рәк* к корню слова. В спонтанной речи башкир восточного диалекта наблюдается присоединение данного аффикса к нулевой форме русского прилагательного: *организованныйырак* ‘организованнее’, *безопасныйырак* ‘безопаснее’.

Модальное слово. В речи башкир восточного диалекта широко распространены и модальные слова русского языка (114 употр., 5,1 %). Наиболее частотным является модальное слово со значением возможности / вероятности *может / мужыт / можыт* ‘может’ вм. лит. *бәлки, ихтимал: #может# акса ла болмагандыр*// лит. *бәлки акса ла булмагандыр*// ‘может, и денег не было!’ (ж., 82, ср., уч.); *#можыт# шундай #закаленныйзар# б*улдык микән*// лит. *бәлки шундай сыныккан булдыкмы икән*// ‘может, были такими закалёнными!’ (ж., 40, ср., кыз.).

В спонтанную речь башкир восточного диалекта из русского языка активно проникают модальные слова в функции вводных (81 употр.), занимающие автономную позицию в предложении. Некоторые вкрапления в речи более частотны, чем исконные эквиваленты: *значит* (8) вм. лит. *тимәк* (6); *канишны / кәнишне / кәнишнә* ‘конечно’ (16) вм. лит. *әлбиттә* (6); *оказывається / аказывайса* ‘оказывається’ (6) вм. лит. *бакһаң, бактиһәң* (0).

Местоимение. В спонтанной речи башкир местоимения русского языка занимают значительное место (99 употр., 4,5 %). Большая доля приходится на определительное местоимение *вис / вес* ‘весь, все’ (82 употр.) вм. лит. *бәтә, барлык*, способное замещать в речи как существительное, так и прилагательное: *#вис# ағастарға бәс төшһә бигрәк матур*// лит. *бәтә ағастарға бәс төшһә бигерәк матур*// ‘если все деревья покрываются инеем / то очень красиво!’ (ж., 14, ср., кыз.); *ә көн йылы б*улдымы #вис# тышта йөрөйзәр*// лит. *ә көн йылы булдымы бәтәһе тышта йөрөй*// ‘если стоят теплые дни / то все гуляют на улице!’ (ж., 40, ср., кыз.).

Остальные разряды местоимений русского языка имеют крайне ограниченное употребление в спонтанной речи. Так, личное местоимение *я* вм. лит. ‘мин’ встречается единожды в составе межфразового переключения при передаче чужой речи: *#я# #понимаю# #по башкирски# тине*// лит. *мин башкортса аңлайым тине*// ‘сказала / я понимаю по-башкирски!’ (ж., 78, высш., кыз.).

Указательное местоимение *это* в лит. 'ошо' используется в функции вербального хезитатива для заполнения паузы и построения последующей фразы: **#это#** *ней / төп закон безең өйзөң / бер кемде лә #абсждать# итмәй торгайнык//* лит. *теге ни / төп закон безең өйзөң / бер кемде лә тикшермәй торгайнык//* 'это самое / в нашем доме главным законом было никого не обсуждать//' (ж., 51, ср., ай.).

Глагол. В спонтанной речи башкир восточного диалекта активно употребляются иноязычные глаголы (97 употр., 4,4 %).

Анализируемый языковой материал из Текстологической базы позволяет выявить основные типы иноязычных глаголов в исследуемом диалекте.

Наиболее употребительной является неопределенная форма гостевого глагола (инфинитив) + вспомогательный глагол МЯ *ит-* (84 употр.): *здавать / ыздавать итеу* 'сдавать' в лит. 'тапшырыу'; *званиттеу / званишь итеу* 'звонить' в лит. *шылтыратыу*; *рикаминдоуать итеу* 'рекомендовать' в лит. *тәкдим итеу* и т. д.

В данном случае инфинитивная форма русского глагола остается неизменной, а второй компонент, выраженный спрягаемой формой глагола, принимает все формобразующие аффиксы: *ит #ыздавать# итеу б*уйынса алдынгы колхоз ғына булды//* лит. *ит тапшырыу буйынса алдынгы колхоз ғына булды//* 'по сдаче мяса был одним из передовых колхозов' (м., 76, ср., уч.); *картуф #жсарит# итәб*ез//* лит. *картуф курабыз//* 'жарим картошку' (ж., 40, ср., кыз.).

Путем присоединения продуктивных глаголообразующих аффиксов башкирского языка *-ла / -лан / -лаш* к русскому слову в спонтанной речи образуются глагольные лексемы: *давайлашыу* 'требовать' от слова *давай* в лит. *талап итеу*; *иутлау* 'считать' от слова 'счет' в лит. *һанау*.

Образованные таким образом глаголы принимают формобразующие, словоизменяемые аффиксы подобно исконным словам: *мин аны #иуттаб*# әйтәймә?* лит. *мин уны һанап әйтәйемме?* 'мне все это нужно перечислять?' (ж., 49, ср., кыз.); *#иуттап# бәткәһәз сәскаләрем нык күп//* лит. *һанап бәткәһәз сәскаләрем нык күп//* 'цветов у меня много / не перечислить//' (ж., 49, ср., кыз.).

Частица. Частицы (53 употр., 2,4 %), являясь служебными словами, придают отдельным членам предложения или всему высказыванию дополнительные смысловые оттенки [Закирьянов, 2004, с. 94]. Помимо исконных частиц в спонтанной речи используются и вкрапления-частицы из русского языка: *даже / дәже* 'даже' (23) в лит. *хатта*; *тука / түлке / тока / түкә* 'только' (9) в лит. *бары, ни бары, ғына / генә; именно* 'именно' (8) в лит. *тап, нәк*.

Предлог. В башкирском языке отсутствуют предлоги, которые служат средством связи слов самостоятельных частей речи в русском языке. Эту функцию в башкирском языке выполняют послелог и падежные аффиксы. В то же время в спонтанной речи башкир восточного диалекта встречаются русские предлоги в составе островных переключений (7 употр., 0,3 %): *әле эшкә гереп йөрөй / минежер #но# #продажам# булып//* лит. *әле эшкә инеп йөрөй / һатыу буйынса менежер булып//* 'сейчас устраивается на работу / менеджером по продажам//'; *комитет #но# #управлению# #собственоска# райондың күстем //* лит. *райондың милек менән идара итеу комитетына күстем //* 'перешла на работу в районный комитет по управлению собственностью//' (ж., 58, высш., кыз.).

Имена числительные. Употребление имен числительных русского языка в устной монологической речи башкир – явление редкое (7 употр., 0,3 %). В зафиксированных примерах такие числительные употребляются преимущественно

в названиях марок транспортных средств (*Иж Юпитер #три# люлькасы белән мотоцикл + алыбиреште*// лит. *Иж Юпитер Өс люлькаһы менән мотоцикл алып биреште*// ‘помог купить Иж Юпитер 3 с люлькой//’ (м., 76, ср., уч.)), в названиях компаний или адресного объекта (*Байым урта мәктәбендә укыйым / #Школьная# #двадцат# #семь# урамы*// лит. *Байым урта мәктәбендә укыйым / Мәктәп урамы егерме ете*// ‘учусь в Баимовской средней школе / улица Школьная двадцать семь//’ (ж., 14, ср., кыз.)).

Заключение

Анализируемый диалектный материал, размещенный в Текстологической базе диалектологического подфонда Машинного фонда башкирского языка, показал сильное влияние русского языка на устную речь башкир. В данной базе выявлено 2 208 КП, зафиксированных в спонтанной речи башкир восточного диалекта.

Башкирский язык в исследуемых дискурсах имеет доминантную позицию матричного языка, определяя порядок слов в предложении, задавая морфосинтаксическую рамку высказывания и являясь источником основных лексических единиц. Русский язык выступает гостевым языком, речевые единицы которого (морфемы, слова, словосочетания, предложения) могут присутствовать в речи информантов.

Частеречный анализ башкирско-русского переключения кодов показал, что в исследуемых диалектных текстах КП охватывают практически все части речи, за исключением междометий, подражательных и звательных слов. В них преобладают имена существительные, что в первую очередь объясняется предметно-тематической функцией КП. Выявлено активное внедрение в разговорную речь союзов, наречий и имен прилагательных русского языка.

Незначительное количество КП среди местоимений и имен числительных, по нашему мнению, связано прежде всего с тем, что они имеют исконно тюркское происхождение и относятся к древнейшим пластам лексики. Предлоги, нехарактерные для башкирского языка, встречаются только в составе островных переключений.

В анализируемом материале все части речи, помимо нехарактерных для башкирского языка предлогов, встречаются в виде вкраплений (изолированно) или в составе островных переключений. Предлоги зафиксированы только в составе островов ГЯ.

В устном дискурсе КП оформляются преимущественно словоизменительными и формообразующими маркерами МЯ. В то же время немало примеров, где КП сохраняют соответствующие маркеры ГЯ.

Таким образом, внедрение в устную речь большого количества КП делает дискурс стилистически более сниженным. В то же время такие иноязычные элементы, несмотря на то что воспринимаются как чужеродные и нарушающие чистоту речи, понятны для большинства носителей языка, следовательно, не нарушают правильное восприятие передаваемой информации.

Список литературы

Акберова А. Г. Структура и семантика наречий в современном татарском литературном языке: Автореф. ... канд. филол. наук. Казань, 1998. 19 с.

Балакина Ю. В., Соснин А. В. Теоретические основы переключения кодов и функционирования заимствований с позиций контактной лингвистики // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 2. С. 5–11.

Бускунбаева Л. А. Принципы сбора полевых материалов для диалектного корпуса башкирского языка // Материалы II Междунар. науч. конф. «Электронная письменность народов Российской Федерации: опыт, проблемы и перспективы». Уфа, 2019. С. 3–6.

Бускунбаева Л. А. Функционирование вербального гезитатива *ни / ней* 'это самое' в устной монологической речи башкир (на материале диалектных текстов башкирского языка) // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14, № 1. С. 172–185.

Бускунбаева Л. А., Сиразитдинов З. А. Разработка аудиокорпуса восточного диалекта башкирского языка: проблемы и перспективы // Изв. Уфим. науч. центра РАН. 2020. № 2. С. 90–97.

Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Благовещенск, 2000. 264 с.

Гаврилова В. Г. Марийско-русское переключение и смешение кодов // Вестник Удмурт. гос. ун-та. 2013. Вып. 2. С. 16–21.

Грамматика современного башкирского литературного языка. М.: Наука, 1981. 495 с.

Дмитриев Н. К. Варваризмы в башкирской речи // Зап. Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Л., 1930. Т. 4. С. 73–105.

Закирьянов К. З. Сопоставительная грамматика русского и башкирского языков. Уфа: Гилем, 2004. 228 с.

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: В 11 т. М.: Статистика России, 2012. Т. 4, кн. 1. 2101 с.

Мордвинова А. Р. Степень влияния русского языка на интернет-дискурс татар (на материале групп ВКонтакте «Типичный татарин» и «Добрый татарин» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9 (63), ч. 3. С. 133–136.

Папинова Ж. Б. Лингвоструктурные характеристики переключения кодов в спонтанной речи бурят-билингвов // Вестник Бурят. гос. ун-та. 2017. Вып. 6. С. 75–80.

Резанова З. И., Дыбо А. В. Языковое взаимодействие в речевых практиках шорско-русских билингвов Южной Сибири // Изв. Урал. федерал. ун-та. Серия 2: Гуманитарные науки. 2019. Т. 21, № 2 (187). С. 195–211.

Сиразитдинов З. А., Бускунбаева Л. А., Иимухаметова А. Ш., Шамсутдинова Г. Г. Проблемы разработки диалектного корпуса башкирского языка // Вопросы диалектологии. 2018. № 1–2. С. 97–107.

Солнышкина М. И., Хайруллина А. И. Кодовые переключения русскоговорящих татар // Вестник Череповец. гос. ун-та. 2015. № 1. С. 56–59.

Чиршева Г. Н. Двухязычная коммуникация. Череповец: ЧГУ, 2004. 189 с.

Auer P. (ed.) Code-switching in conversation: Language, interaction and identity. London: Routledge, 1998. 355 p.

Myers-Scotton C. Duelling languages: Grammatical structure in code-switching. Oxford: Clarendon Press, 1993. 265 p.

Poplack Sh. Syntactic structure and social function of code-switching // *Latino Discourse and Communicative Behavior*. Ed. by R. Duran. New Jersey, 1981. P. 169–184.

References

- Akberova A. G. *Struktura i semantika narechiy v sovremennom tatarskom literaturnom yazyke* [Structure and semantics of adverbs in the modern Tatar literary language]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Kazan, 1998, 19 p.
- Auer P. *Code-switching in Conversation: Language, interaction and identity*. London, Routledge, 1998, 355 p.
- Balakina Yu. V., Sosnin A. V. Teoreticheskie osnovy pereklyucheniya kodov i funktsionirovaniya zaimstvovaniy s pozitsiy kontaktnoy lingvistiki [Theoretical foundations of code-switching and the functioning of borrowings from the standpoint of contact linguistics]. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*. 2015, no. 2, pp. 5–11.
- Buskunbaeva L. A. Funktsionirovanie verbal'nogo khezitativa ni/ney "eto samoe" v ustnoy monologicheskoy rechi bashkir (na materiale dialektnykh tekstov bashkirskogo yazyka) [The functioning of the verbal hesitation marker ni/ney "this very thing" in Oral Monologues of Bashkirs: A Case Study of Bashkir Dialectal Texts]. *Oriental Studies*. 2021, vol. 14, no. (1), pp. 172–185.
- Buskunbaeva L. A. Principy sbora polevykh materialov dlya dialektного korpusa bashkirskogo yazyka [Principles of collecting field materials for the dialectal corpus of the Bashkir language]. In: *Materialy 2 Mezhdunar. nauch. konf. "Elektronnaya pismennost' narodov Rossiyskoy Federatsii: opyt, problemy i perspektivy"* [Proceedings of the 2nd International Scientific Conference "Electronic writing of the Russian Federation peoples: Experience, Problems and Prospects"]. Ufa, 2019, pp. 3–6.
- Buskunbaeva L. A., Sirazitdinov Z. A. Razrabotka audiokorpusa vostochnogo dialekta bashkirskogo yazyka: problemy i perspektivy [Creating of the audio corpus of the Eastern dialect of the Bashkir language: problems and prospects]. *Proceedings of the RAS Ufa Scientific Center*. 2021, no. 2, pp. 90–97.
- Chirsheva G. N. *Dvuyazychnaya kommunikatsiya* [Bilingual communication]. Cherepovets, ChSU, 2004, 189 p.
- Dmitriev N. K. Varvarizmy v bashkirskoy rechi [Barbarisms in Bashkir language]. In: *Zap. Kollegii vostokovedov pri Aziatskom muzee AN SSSR* [Notes of the Collegium of Orientalists at the Asian Museum of the Academy of Sciences of the USSR]. Leningrad, 1930, vol. 4, pp. 73–105.
- Gavrilova V. G. Mariysko-russkoe pereklyuchenie i smeshenie kodov [Mari-Russian code-switching and code-mixing]. *Bulletin of Udmurt University*. 2013, iss. 2, pp. 16–21.
- Grammatika sovremennogo bashkirskogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the modern Bashkir literary language]. Moscow, Nauka, 1981, 495 p.
- Itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 g.: V 11 t.* [Results of the All-Russian Population Census: In 11 vols.]. Moscow, Statistics of Russia, 2012, vol. 4, bk. 1, 2101 p.
- Mordvinova A. R. Stepen' vliyaniya russkogo yazyka na internet-diskurs tatar (na materiale grupp VKontakte "Tipichnyy tatarin" i "Dobryy tatarin") [The degree of influence of the Russian language in the Internet discourse of the Tatars (by the material of the groups VKontakte "Typical Tatar" and "Kind Tatar"). *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2016, no. 9 (63), pt. 3, pp. 133–136.
- Myers-Scotton C. *Duelling languages: Grammatical structure in code-switching*. Oxford, Clarendon Press, 1993, 265 p.

Papinova Zh. B. Lingvostrukturnye kharakteristiki pereklyucheniya kodov v spontannoy rechi buryat-bilingvov [Linguostructural characteristics of code-switching in spontaneous speech of bilingual Buryats]. *Bulletin of Buryat State University*. 2017, iss. 6, pp. 75–80.

Poplack Sh. Syntactic structure and social function of code-switching. In: *Latino Discourse and Communicative Behavior*. R. Duran (Ed.). New Jersey, 1981, pp. 169–184.

Rezanova Z. I., Dybo A. V. Yazykovoe vzaimodeystvie v rechevykh praktikakh shorsko-russkikh bilingvov Yuzhnoy Sibiri [Language interaction in Shor-Russian bilinguals' speech in Southern Siberia]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*. 2019, vol. 21, no. 2 (187), pp.195–211.

Sirazitdinov Z. A., Buskunbaeva L. A., Ishmukhametova A. Sh., Shamsutdinova G. G. Problemy razrabotki dialektного korpusa bashkirского yazyka [Problems of the development of the dialectal corpus of the Bashkir language]. *Problems of dialectology*. 2018, no. 1–2, pp. 97–107.

Solnyshkina M. I., Khairullina A. I. Kodovye pereklyucheniya russkogovoryashchih tatar [Code-switching of Russian-speaking Tatars]. *Cherepovets State University Bulletin*. 2015, no. 1, pp. 56–59.

Weinreich U. *Yazykovye kontakty. Sostoyanie i problemy issledovaniya* [Languages in contact: Findings and problems]. Blagoveshchensk, 2000, 264 p.

Zakiryaynov K. Z. *Sopostavitel'naya grammatika russkogo i bashkirского yazykov* [Comparative grammar of Russian and Bashkir languages]. Ufa, Gilem, 2004, 228 p.

Информация об авторе

Лилия Айсовна Бускунбаева, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Уфа, Россия)

Information about the author

Liliya A. Buskunbaeva, Candidate of Philology, Senior Researcher at the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (Ufa, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 08.10.2021;
одобрена после рецензирования 11.04.2022; принята к публикации 11.04.2022
The article was submitted on 08.10.2021;
approved after reviewing on 11.04.2022; accepted for publication on 11.04.2022*